

Н. НОСОВ

СТУПЕНЬКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА“

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

С *Н. Носов*

У

Е

Ь

И

Рассказы

МОСКВА . ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» . 1972

Когда я был маленьким, я очень любил читать о дальних странах, удивительных приключениях и необыкновенных людях, то есть о людях взрослых, а не о малышах, с которыми ничего интересного не происходит. Потом, когда я сам сделался взрослым, я часто вспоминал о минувшем детстве и увидел, что и моя жизнь в те годы была удивительно интересной. И мне захотелось рассказать детям о них самих: о том, какие они замечательные, интересные люди, как они живут, о чём думают, какие в их жизни бывают трудности, вообще обо всём, что с ними случается.

И поэтому я стал детским писателем. И с тех пор пишу рассказы о детях и для детей. В этой книжечке несколько таких рассказов. Они очень коротенькие, и маленький читатель может прочесть их сам.

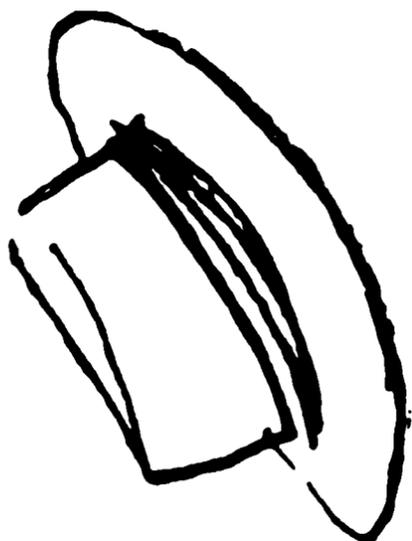
Николай Носов

Рисунки В. Горяева

ЖИВАЯ ШЛЯПА

Шляпа лежала на комодѣ, котѣнок Васька сидѣл на полу вѣзде комода, а Вѣвка и Вадик сидѣли за столѣм и раскрашивали картинки. Вдруг позади них что-то плѣхнулось — упало на пол. Онѣ обернулись и увидели на полу вѣзде комода шляпу.

Вóвка подошёл к комóду, на-
гну́лся, хотёл поднять шляпу —
и вдруг как закричít:

— Ай-ай-ай! — и бего́м в сто-
рону.

— Чего́ ты? — спрашивает Ва-
дик.

— Она́ жи-жи-жива́я!

— Кто жива́я?

— Шля-шля-шля-па.

— Что ты! Ра́зве шляпы быва́ют живы́е?

— По-посмотрí сам!

Ва́дик подошёл побли́же и стал смотре́ть на шля-
пу. Вдруг шляпа поползла́ пря́мо к нему́. Он как за-
кричít:

— Ай! — и прыг на дива́н.

Вóвка — за ним.

Шляпа вы́лезла на середíну ко́мнаты и остано́ви-
лась. Ребѣта смóтрят на неё и трясúтся от стра́ха.
Тут шляпа поверну́лась и поползла́ к дива́ну.

— Ай! Ой! — закрича́ли ребѣта.

Соскочíли с дива́на — и бего́м из ко́мнаты. При-
бежа́ли на кúхню и дверь за собо́й закры́ли.

— Я у-у-хо-хожу́! — говори́т Вóвка.

— Куда́?

— Пойду́ к себе́ домо́й.

— Почему́?

— Шляпы бо-бою́сь! Я пѣрвый раз ви́жу, чтоб
шляпа по ко́мнате ходíла.

— А мóжет быть, её кто-нибудь за верёвочку дёргает?

— Ну, пойдí посмотри.

— Пойдём вместе. Я возьмú кочергú. Если она́ к нам полёзет, я её кочергой трéсну.

— Постой, я тоже кочергу возьму.

— Да у нас другой кочерги нет.

— Ну, я возьму лыжную палку.

Они взяли кочергу и лыжную палку, приоткрыли дверь и заглянули в комнату.

— Где она? — спрашивает Вадик.

— Вон, возле стола.

— Сейчас я её как тресну кочергой! — говорит Вадик. — Пусть только подлезет ближе.

Но шляпа лежала возле стола и не двигалась.

— Ага, испугалась! — обрадовались ребята. — Бойтесь лезть к нам.

— Сейчас я её спугну, — сказал Вадик.

Он стал стучать по полу кочергой и кричать:

— Эй ты, шляпа!

Но шляпа не двигалась.

— Давай наберём картошки и будем в неё картошкой стрелять, — предложил Вовка.

Они вернулись на кухню, набрали из корзины картошки и стали швырять её в шляпу. Швыряли, швыряли, наконец Вадик попал. Шляпа как подскочит кверху!

— Мяу! — закричало что-то.

Глядь, из-под шляпы высунулся серый хвост, потом лапа, а потом и сам котёнок выскочил.

— Васька! — обрадовались ребята.

— Наверно, он сидел на полу, а шляпа на него с комодом упала, — догадался Вовка.

Вадик схватил Ваську и давай его обнимать:
— Васька, миленький, как же ты под шляпу
попал?

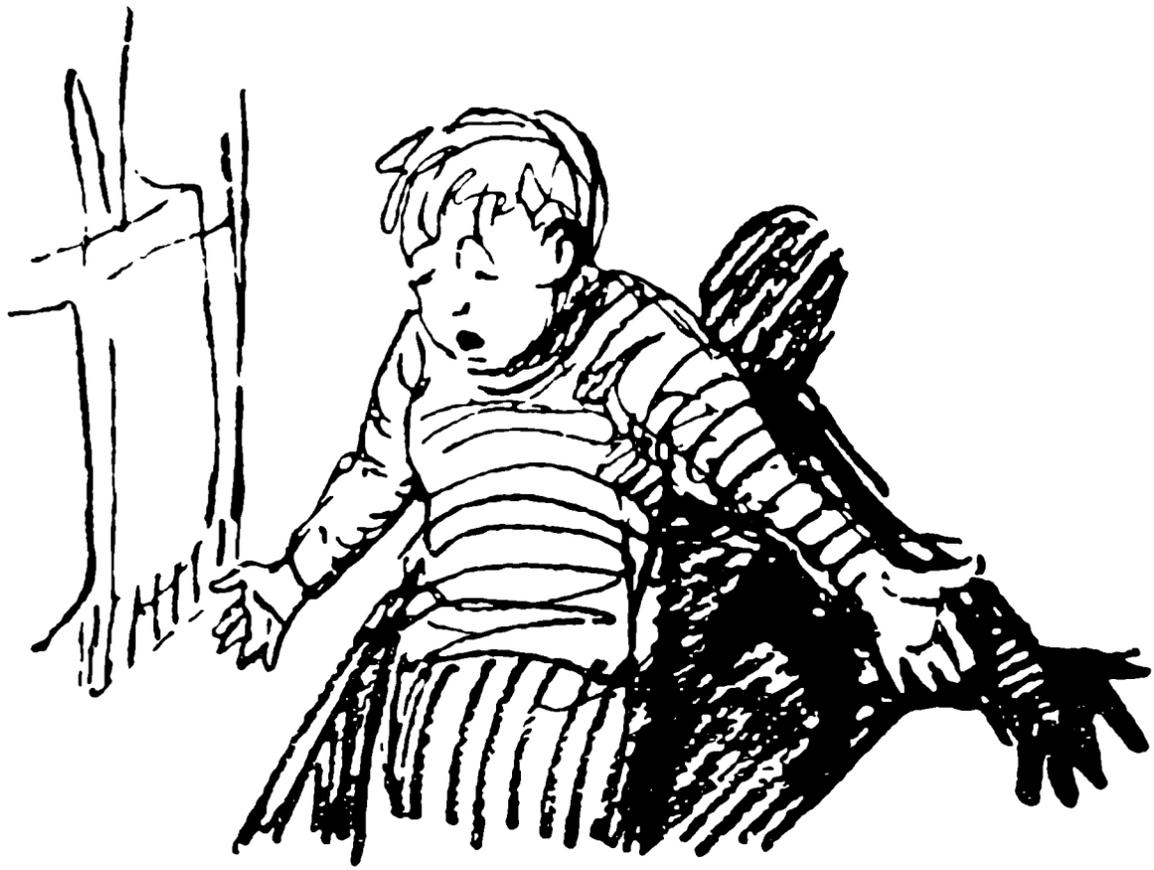
Но Васька ничего не ответил. Он только фыркнул
и зажмурился от света.

НА ГОРКЕ

Цѣлый день ребята трудѣлись — строили снежную горку во дворе. Сгребали лопатами снег и сваливали его под стѣнку сарая в кучу. Только к обѣду горка была готова. Ребята полили её водо́й и побежали домо́й обедать.

— Вот пообѣдаем,— говорѣли онѣ,— а гóрка пока замёрзнет. А после обѣда мы придѣм с сáнками и бóдем катáться.

А Кóтька Чижóв из шестóй квартѣры хѣтрый какой! Он гóрку не стрóил. Сидѣт дóма да смóтрит в окнó, как другѣе трóдятся. Емó ребята кричáт, чтоб шёл гóрку стрóить, а он тóлько рукáми за окнóм развóдит да головóй мотáет— как бóдто нельзя емó. А когда ребята ушли, он бѣстро одѣлся, нацепѣл конькѣ и вѣскочил во двор. Чирк конькáми пó снегу, чирк! И катáться-то как слѣдует не умѣет! Подъѣхал к гóрке.

— О,— говорѣт,— хорóшая гóрка получѣлась! Сейчáс скачóсь.

Тóлько полѣз на гóрку — бух нóсом!

— Ого! — говорит. — Скользящая!

Поднялся на ноги и снова — бух! Раз десять падал. Никак на горку взобраться не может.

«Что делать?» — думает.

Думал, думал — и придумал:

«Вот сейчас песочком посыплю и заберусь на неё».

Схватил он фанерку и покати́л к двóрничкой. Там — ящик с песком. Он и стал из ящика песок на горку таскать. Посыпает впереди́ себя, а сам лезет всё выше и выше. Взобрался на самый верх.

— Вот теперь, — говорит, — скачусь!

Оттолкнулся ногой и снова — бух носом! Коньки-то по песку не едут! Лежит Котка на животё и говорит:

— Как же теперь по песку кататься?

И полёз вниз на четвереньках.

Тут прибежали ребята. Видят — горка песком посыпана.

— Это кто здесь напортил? — закричали они. — Кто горку песком посыпал? Ты не видал, Котька?

— Нет, — говорит Котька, — я не видал. Это я сам посыпал, потому что она была скользкая и я не мог на неё взобраться.

— Ах ты умник! Ишь что придумал! Мы трудились, трудились, а он песком! Как же теперь кататься?

Котька говорит:

— Может быть, когда-нибудь снег пойдёт, он засыплет песок, вот и можно будет кататься.

— Так снег, может, через неделю пойдёт, а нам сегодня надо кататься.

— Ну, я не знаю, — говорит Котька.

— Не знаешь! Как испортить горку, ты знаешь, а как починить, не знаешь! Бери сейчас же лопату!

Кóтька отвязáл коньки́ и взял лопáту.

— Засыпáй песóк снéгом!

Кóтька стал насыпáть гóрку снéгом, а ребята снóва водóй пóлили.

— Вот тепéрь,— говорáют,— замёрзнет, и мóжно бóдет катáться.

А Кóтьке так рабóтать понрáвилось, что он ещё сбóку лопáтой ступéньки продéлал.

— Это,— говорáют,— чтоб всем бýло легкó взбирáться, а то ещё ктó-нибудь снóва пескóм насыплет!

СТУПЕНЬКИ

Однажды Пётя возвращался из детского сада. В этот день он научился считать до десяти. Дошёл он до своего дома, а его младшая сестра Вáля уже дожидáется у ворот.

— А я уже считать умéю! — похва́стался Пётя.— В детском саду́ научился. Вот смотри́, как я сейчас все ступеньки на лéстнице сосчитаю.

Ста́ли о́ни поднимáться по ле́стнице, а Пётя грóм-
ко ступе́ньки счита́ет:

— О́днá, две, три, четы́ре, пять...

— Ну, чегó же ты остано́вился? — спра́шивает
Ва́ля.

— Погоди́, я забы́л, кака́я да́льше ступе́нька.
Я сейча́с вспо́мню.

— Ну вспо́минай, — говори́т Ва́ля.

Стоя́ли о́ни на ле́стнице, стоя́ли. Пётя говори́т:

— Нет, я так не могу́ вспо́мнить. Ну́-ка, лу́чше
начне́м снача́ла.

Сошли́ о́ни с ле́стницы вниз. Ста́ли сно́ва вверх
поднимáться.

— Одна,— говорит Пётя,— две, три, четыре, пять...
И снова остановился.

— Опять забыл? — спрашивает Вáля.

— Забыл! Как же это? Только что помнил и вдруг забыл! Ну-ка, ещё попробуем.

Снова спустились с лестницы, и Пётя начал сначала:

— Одна, две, три, четыре, пять...

— Может быть, двадцать пять? — спрашивает Вáля.

— Да нет! Только думать мешаешь! Вот видишь, из-за тебя забыл! Придётся опять сначала.

— Не хочу я сначала! — говорит Вáля.— Что это такое? То вверх, то вниз, то вверх, то вниз! У меня уже ноги болят.

— Не хочешь, не надо,— ответил Пётя.— А я не пойду дальше, пока не вспомню.

Вáля пошла́ домой и говорит́ маме:

— Ма́ма, там Пётя на ле́стнице ступе́ньки счита́ет: одна́, две, три, четы́ре, пять, а да́льше не по́мнит.

— А да́льше шесть,— сказа́ла ма́ма.

Вáля побежа́ла о́братно к ле́стнице, а Пётя все́ ступе́ньки счита́ет:

— Одна́, две, три, четы́ре, пять...

— Шесть! — шéпчет Вáля.— Шесть! Шесть!

— Шесть! — обра́довался Пётя и поше́л да́льше.— Семь, во́семь, де́вять, де́сять.

Хорошо́, что ле́стница ко́нчилась, а то бы он так и не доше́л до́ дому, потому́ что научи́лся то́лько до де́сяти счита́ть.

ОГУРЦЫ

Одін раз Пáвлик взяв с собо́й Кóтьку на́ реку ло-
ви́ть ры́бу. Но в э́тот день им не повезло́: ры́ба со-
все́м не клева́ла. Зато́, когда́ шли о́брáтно, о́ни забра-
ли́сь в колхо́зный о́горо́д и набра́ли по́лные карма́ны
огурцо́в. Колхо́зный сто́рож заме́тил их и засвисте́л
в свисто́к. О́ни от него́ бежа́ть. По доро́ге домо́й Пáв-
лик подúмал, как бы ему́ до́ма не доста́лось за то,
что он ла́зит по чужим о́горо́дам. И он о́тдал свои́
огурцы́ Кóтьке.

Коты́ка пришёл домо́й ра́достный:

— Ма́ма, я тебе́ огурцо́в принёс!

Ма́ма посмотре́ла, а у него́ по́лные карма́ны огурцо́в, и за па́зухой огурцы́ лежа́т, и в рука́х ещё два большо́их огурца́.

— Где ты их взял? — говори́т ма́ма.

— На огоро́де.

— На како́м огоро́де?

— Там, у реки́, на колхо́зном.

— Кто ж тебе́ позво́лил?

— Никто́, я сам нарва́л.

— Зна́чит, укра́л?

— Нет, не укра́л, а так прóсто... Па́влик брал, а мне нельзя́, что ли? Ну, и я взял.

Коты́ка нача́л вынима́ть огурцы́ из карма́нов.

— Постóй, постóй! Не выгружа́й! — говори́т ма́ма.

— Почему́?

— Сейча́с же неси́ их о́братно!

— Куда́ же я их понесу́? Они́ на гря́дке росли́, а я сорва́л. Все́ равно́ они́ тепе́рь уже́ расти́ не бу́дут.

— Ничего́, отнесёшь и поло́жишь на той же гря́дке, где сорва́л.

— Ну, я их вы́брошу.

— Нет, не вы́бросишь. Ты их не сади́л, не расти́л, не имее́шь пра́ва и выбра́сывать.

Коты́ка стал пла́кать:

— Там сто́рож. Он нам свисте́л, а мы убежа́ли.

— Вот ви́дишь, что де́лаете! А е́сли б он пойма́л вас?

— Он не догна́л бы. Он уже ста́ренький де́душка.

— Ну как тебе́ не сты́дно! — говори́т ма́ма.— Ведь де́душка за э́ти огурцы́ отвеча́ет. Узна́ют, что огурцы́ пропа́ли, ска́жут, что де́душка виновáт. Хорошо́ бу́дет?

Ма́ма ста́ла сова́ть огурцы́ о́братно Ко́тьке в карма́н. Ко́тька пла́кал и крича́л:

— Не пойдú я! У де́душки ружьё. Он вы́стрелит и убьёт меня́!

— И пусть убьёт! Пусть лу́чше у меня́ совсе́м не бу́дет сы́на, чем бу́дет сын вор!

— Ну, пойдём со мной, ма́мочка! На дворе́ темно́. Я бою́сь.

— А братъ не боя́лся?

Ма́ма дала́ Ко́тьке в ру́ки два огурца́, кото́рые не поместы́лись в карма́нах, и вы́вела его́ за дверь.

— Или несы́ огурцы́, и́ли совсе́м уходы́ из дому, ты мне не сын!

Ко́тька поверну́лся и ме́дленно, ме́дленно поше́л по у́лице. Уже́ бы́ло совсе́м темно́.

«Бро́шу их тут, в кана́ву, а скажу́, что отнёс,— реши́л Ко́тька и стал огля́дываться вокру́г.— Нет, отнесу́: ещё кто́-нибудь уви́дит и де́душке из-за меня́ попаде́т».

Он ше́л по у́лице и пла́кал. Ему́ бы́ло стра́шно.

«Па́влику хорошо́! — ду́мал Ко́тька.— Он мне свой огурцы́ о́тдал, а сам до́ма сиды́т. Ему́ небо́сь не стра́шно».

Вы́шел Ко́тька из дере́вни и поше́л по́лем. Вокру́г

не было ни души. От страха он не помнил, как добрался до огорода. Остановился возле шалаша, стоит и плачет всё громче и громче. Сторож услышал и подошёл к нему.

— Ты чего плачешь? — спрашивает.

— Дедушка, я принёс огурцы обратно.

— Какие огурцы?

— А которые мы с Павликом нарвали. Мама сказала, чтоб я отнёс обратно.

— Вот оно какое дело! — удивился сторож. — Это,

значит, я вам свистёл, а вы всё-таки огурцы-то стащили. Нехорошо!

— Пáвлик брал, и я взял. Он мне и свой огурцы отдал.

— А ты на Пáвлика не смотри, сам понимать должен. Ну, больше не делай так. Давай огурцы и иди домой.

Кóтька вѣташил огурцы и положил их на грядку.

— Ну, все, что ли? — спросил старик.

— Нет... одного не хватает, — ответил Кóтька и снова заплакал.

— Почему не хватает, где же он?

— Дедушка, я один огурец съел. Что теперь будет?

— Ну что ж будет? Ничего не будет. Съел, ну и съел. На здоровье.

— А вам, дедушка, ничего не будет за то, что огурец пропал?

— Ишь ты какое дело! — усмехнулся дедушка. — Нет, за один огурец ничего не будет. Вот если бы ты не принёс остальных, тогда да, а так нет.

Кóтька побежал домой. Потом вдруг остановился и закричал издали:

— Дедушка, дедушка!

— Ну что ещё?

— А этот вот огурец, что я съел, как будет считаться — украд я его или нет?

— Гм! — сказал дед. — Вот ещё какая задача! Ну чего там, пусть не украд.

— А как же?

— Ну, считай, что я тебе подарил его.

— Спасибо, дедушка! Я пойду.

— Иди, иди, сынок.

Кóтька во весь дух помчался по полю, через овраг, по мостику через ручей и, уже не спеша, пошёл по деревне домой. На душе у него было радостно.

АВТОМОБИЛЬ

Когда мы с Мíшкой б́ыли совсём мáленькими, нам óчень хотéлось покатáться на автомобилé, тóлько это никáк не удавáлось. Скóлько мы ни прос́или шофёров, никто́ не хотёл нас катáть. Одна́жды мы гуля́ли во дворé. Вдруг смóтрим — на у́лице, вóзле нáших ворóт, останов́ился автомобилё. Шофёр из маши́ны вы́лез и куда́-то ушёл. Мы подбежа́ли. Я говорю́:

— Это «Побéда».

А Мíшка:

— Нет, это «Москв́ич».

— Мнóго ты понима́ешь! — говорю́ я.

— Конéчно, «Москв́ич», — говор́ит Мíшка. — Посмотри́, какóй у него́ ка́пор.

— Какóй, — говорю́, — ка́пор? Это у девчо́нок бы́вает ка́пор, а у маши́ны — капóт! Ты посмотри́, какóй кúзов.

Мíшка посмотре́л и говор́ит:

— Ну, такóе пúзо, как у «Москвичá».

— Это у тебя́, — говорю́, — пúзо, а у маши́ны ни́какого пúза нет.

— Ты же сам сказа́л «пúзо».

— «Кúзов» я сказа́л, а не «пúзо»! Эх, ты! Не понима́ешь, а лéзешь!

Мíшка подошёл к автомобилю́ сзáди и говор́ит:

— А у «Побéды» рáзве есть бúфер? Это у «Москвичá» — бúфер.

Я говорю́:

— Ты бы лучше молчал. Выдумал ещё бóuffer какой-то. Бóuffer — это у паровóза, а у автомобиля бамбер. Бамбер есть и у «Москвичá» и у «Победы».

Мíшка потрóгал бамбер рука́ми и говорит:

— На этот бамбер можно сесть и поехать.

— Не надо,— говорю́ я ему́.

А он:

— Да ты не бойся. Проедем немно́го и спры́гнем.

Тут пришёл шофёр и сел в машину. Мíшка подбежал сзади, уселся на бамбер и шепчет:

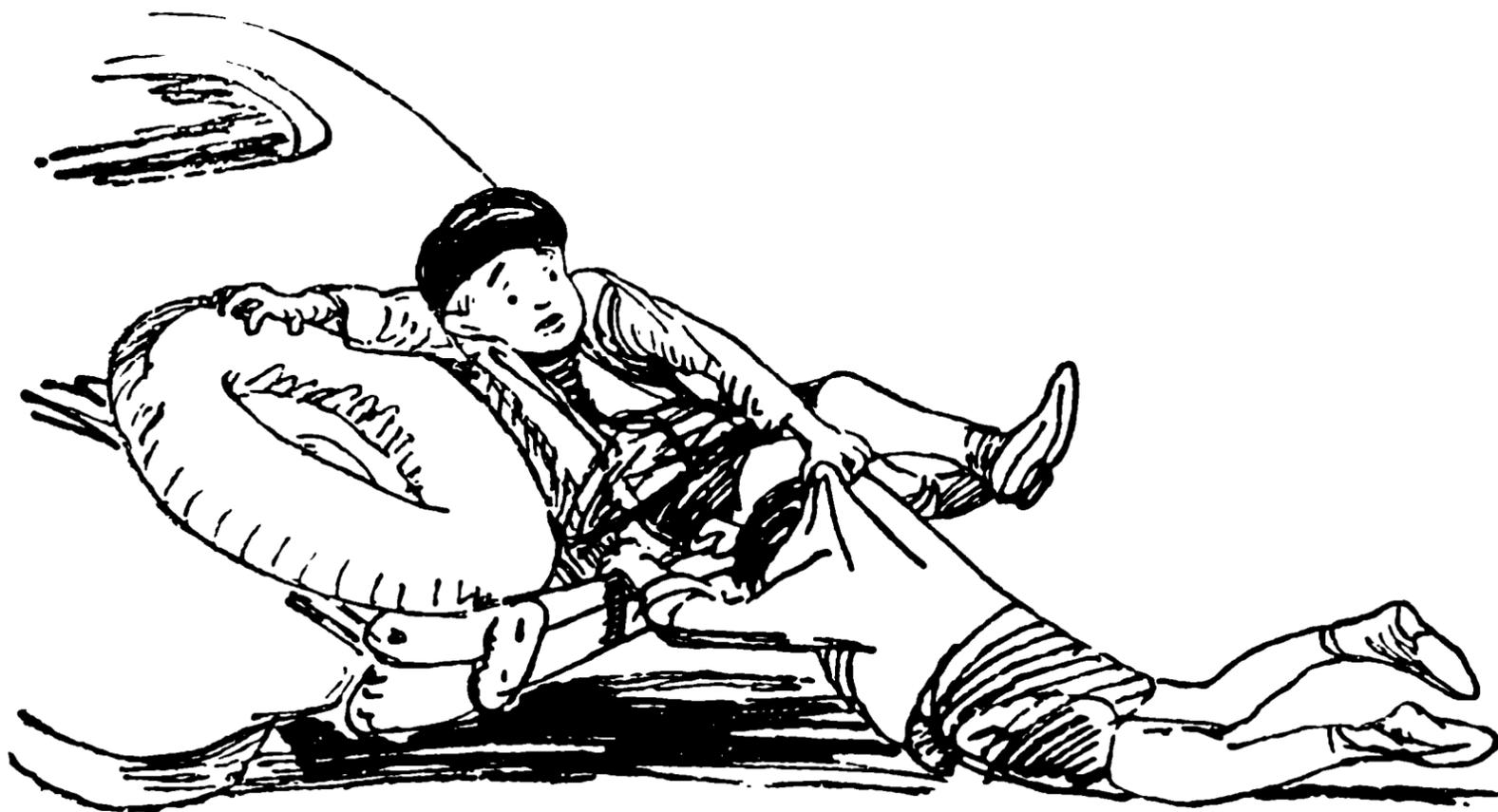
— Садись скорей! Садись скорей!

Я говорю́:

— Не надо!

А Мíшка:

— Иди́ скорей! Эх ты, труси́шка!

Я подбежал, прицепился рядом. Машина тронулась и как помчится! Мишка испугался и говорит:

— Я прыгну! Я прыгну!

— Не надо,— говорю,— расшибёшься!

А он твердит:

— Я прыгну! Я прыгну!

И уже начал опускать одну ногу. Я оглянулся назад, а за нами другая машина мчится. Я кричу:

— Не смей! Смотри, сейчас тебя машина задавит!

Люди на тротуаре останавливаются, на нас смотрят. На перекрёстке милиционер засвистел в свисток. Мишка перепугался, прыгнул на мостовую, а руки не отпускает, за бамбер держится, ноги по земле волочатся. Я испугался, схватил его за шиворот и тащу вверх. Автомобиль остановился, а я всё тащу. Мишка наконец снова залез на бамбер. Вокруг народ собрался. Я кричу:

— Держись, дурак, крепче!

Тут все засмеялись. Я увидел, что мы остановились, и слез.

— Слезай,— говорю Мишке.

А он с перепугу ничего не понимает. Насилу я оторвал его от этого бамбера. Подбежал милиционер, номер записывает. Шофёр из кабины вылез — все на него набросились:

— Не видишь, что у тебя сзади делается?

А про нас забыли. Я шепчу Мишке:

— Пойдём!

Отошли мы в сторонку и бегом в переулок. При-

бежа́ли домо́й, запыха́лись. У Ми́шки о́бе колéнки до крóви обóдраны и штаны́ по́рваны. Это он когда́ по мостовóй на животé éхал. Достáлось ему́ от ма́мы!

Потóм Ми́шка говорíт:

— Штаны́ — éто ничегó, зашíть мóжно, а колéнки са́ми заживу́т. Мне вот то́лько шофёра жа́лко: ему́, навéрно, из-за нас достáнется. Видáл, милиционéр нó-мер маши́ны записывал?

Я говорю́:

— На́до бы́ло оста́ться и сказа́ть, что шофёр не виновáт.

— А мы милиционеру письмо напишем,— говорит Мíшка.

Стáли мы письмо писать. Писáли, писáли, листов двадцать бума́ги испóртили, наконец написáли:

«Дорого́й товарищ милиционер! Вы неправильно записáли нóмер. То есть вы записáли нóмер пра́вильно, то́лько неправильно, что шофёр виновáт. Шофёр не виновáт, виновáты мы с Мíшкой: мы прицепи́лись, а он не знал. Шофёр хоро́ший и е́здит пра́вильно».

На конвэрте написáли:

«Угол у́лицы Го́рького и Большо́й Грузи́нской, получи́ть милиционеру».

Запеча́тали письмо́ и брóсили в ящик. Наверно́, дойдёт.

САША

Сáша давнó просíл мáму подарíть емú пистолét, котóрый стрелáет пистóнами.

— Зачém тебе такóй пистолét? — говорíла мáма.— Это опáсная игрушка.

— Что тут опáсного? Если б он пúлями стрелял, а то пистóнами. Из него всё равно́ никого́ не убьёшь.

— Máло ли что мóжет случíться. Пистóн отскóчит и попадёт тебе́ в глаз.

— Не попадёт! Я бúду зажмúриваться, когда́ бúду стрелять.

— Нет, нет, от éтих пистолéтов бывáют рáзные неприятные слúчаи. Ещё вы́стрелишь да напугáешь когó-нибудь,— сказа́ла ма́ма.

Так и не купи́ла ему́ пистолéта.

А у Са́ши бы́ли две ста́ршие сестры́, Мари́нка и Ирочка. Вот он и стал просíть сестёр:

— Ми́ленькие, купи́те мне пистолéтик! Мне óчень хóчется. За это́ я всегда́ бúду вас слúшаться.

— Ты, Са́шка, хитре́нький! — сказа́ла Мари́на.— Когда́ тебе́ на́до, так ты подли́зываешься и ми́ленькими назывáешь, а как то́лько ма́ма уйдёт, с тобо́й и не сла́дишь.

— Нет, сла́дишь, сла́дишь! Вот уви́дите, как я бúду вести́ себя́ хорошо́.

— Ла́дно,— сказа́ла Ира.—Мы с Мари́ной подúмаем. Если обеща́ешь вести́ себя́ хорошо́, то, мóжет быть, кúпим.

— Обеща́ю, обеща́ю! Всё обеща́ю, то́лько купи́те!

На друго́й день сёстры́ подарíли ему́ пистолéт и корóбку с пистóнами. Пистолéт был но́венький и блестя́щий, а пистóнов бы́ло мно́го: штук пятьдеся́т и́ли сто; стреля́й хоть весь день, не перестреля́ешь. От

ра́дости Са́ша пры́гал по ко́мнате, прижимáл писто-
лét к грудí, целовáл его́ и говорíл:

— Мíленький мой, хоро́шенький пистолéтик! Как
я тебя́ люблю!

Потóм он нацарáпал на рúчке писто́лета своё
íмя и нáчал стреля́ть. Срáзу запа́хло писто́нами, а че-
рез полчасá в ко́мнате ста́ло синё от ды́ма.

— Довóльно тебе́ стреля́ть,— сказа́ла наконéц
Ира.— Я ка́ждый раз вздра́гиваю от э́тих вы́стрелов.

— Трусíха! — отве́тил Са́шка.— Все девчо́нки —
трусíхи.

— Вот отнимем у тебя пистолёт, тогда узнаешь, какие мы трусихи,— сказала Марина.

— Сейчас я пойду во двор и буду пугать ребят пистолётом,— заявил Сашка.

Он вышел во двор, но ребят во дворе не было. Тогда он побежал за ворота, и вот тут-то случилась эта история. Как раз в это время по улице шла старушка. Сашка подпустил её поближе и как бабахнет из пистолёта! Старушка вздрогнула и остановилась. Потом говорит:

— Уф, как я испугалась! Это ты тут из пистолёта палишь?

— Нет,— сказал Сашка и спрятал пистолёт за спину.

— Что же, я не вижу, что у тебя пистолёт в руках? Ещё врать вздумал, бессовестный! Вот я пойду заявлю в милицию.

Она погрозила пальцем, перешла на другую сторону улицы и скрылась в переулке.

— Вот так штука! — испугался Саша.— Кажется, на самом деле пошла в милицию жаловаться.

Он, запыхавшись, прибежал домой.

— Чего ты запыхался, будто за тобой волк гонится? — спросила Ира.

— Это я так просто.

— Нет, ты уж лучше скажи. Сразу видно, что чего-нибудь натворил.

— Да ничего я не натворил — просто так... Напугал бабку какую-то.

— Какую бабку?

— Ну, какую, какую! Обыкновенную. Просто шла по улице бабушка, а я взял да и выстрелил из пистолета.

— Зачем же ты выстрелил?

— Сам не знаю. Идёт бабушка. «Дай, думаю, выстрелю». Ну и выстрелил.

— А она что?

— Ничего. Пошла в милицию жаловаться.

— Вот видишь, обещал вести себя хорошо, а сам что наделал!

— Я же не виноват, что бабка попала такая пугливая.

— Вот придёт милиционер, он тебе покажет бабку,— пригрозила Ира.— Будешь знать, как людей пугать!

— А как он меня найдёт? Он ведь не знает, где я живу. Даже имени моего не знает.

— Найдёт, будь спокоен! Милиционеры всё знают.

Целый час Саша просидел дома и всё выглядывал в окно — не идёт ли милиционер. Но милиционера не было видно. Тогда он понемногу успокоился, развеселился и сказал:

— Наверное, бабушка меня просто поугаать хотела, чтоб я не баловался.

Он решил снова пострелять из своего любимого пистолета и сунул руку в карман. В кармане лежала коробочка с пистонами, но пистолета не было. Он полез в другой карман, но и там было пусто. Тогда он

принялся искать по всей комнате. Смотрел и под столами и под диваном. Пистолет исчез, будто провалился сквозь землю. Саше стало обидно до слёз.

— Не успел даже поиграть! — хныкал он. — Такой пистолетик был!

— Может быть, ты его во дворе потерял? — спросила Ира.

— Наверно, я его там, за воротами, выронил, — сообразил Саша.

Он открыл дверь и бросился через двор на улицу. За воротами пистолета не было.

«Ну, теперь его уже нашёл кто-нибудь и взял себе!» — с досадой подумал Саша и тут вдруг увидел, что из переулочка напротив вышел милиционер и быстро зашагал через улицу, прямо к Сашину дому.

«За мной идёт! Видно, бабка-таки пожаловалась!» — испугался Саша и стремглав побежал домой.

— Ну, нашёл? — спросили его Маринка и Ирочка.

— Тихе! — прошипел Сашка. — Милиционер идёт!

— Куда?

— Сюда, к нам.

— Где ты его видел?

— На улице.

Марина и Ира стали над ним смеяться:

— Эх ты, трусишка! Увидел милиционера и испугался. Может быть, милиционер совсем в другое место идёт.

— Да я вообще и не боюсь его! — стал храбриться Сашка. — Что мне милиционер? Подумаешь!

Тут за двѣрью послышались шагѣ, и вдруг зазвонил звонок. Марѣнка и Ира побежали открывать дверь. Сашка высунулся в коридор и зашипел:

— Не открывайте ему!

Но Марѣна уже отворила дверь. На пороге стоял милиционер. Блестящие пуговицы так и сверкали на нем. Сашка опустился на четвереньки и полѣз под диван.

— Скажите, девочки, где здесь шестая квартира? — слышался голос милиционера.

— Это не здесь, — ответила Ира. — Здесь первая, а шестая — это нужно выйти во двор, а там дверь направо.

— Во дворе, дверь направо? — повторил милиционер.

— Ну да.

Саша понял, что милиционер вовсе не за ним пришел, и он уже хотел вылезти из-под дивана, но тут милиционер спросил:

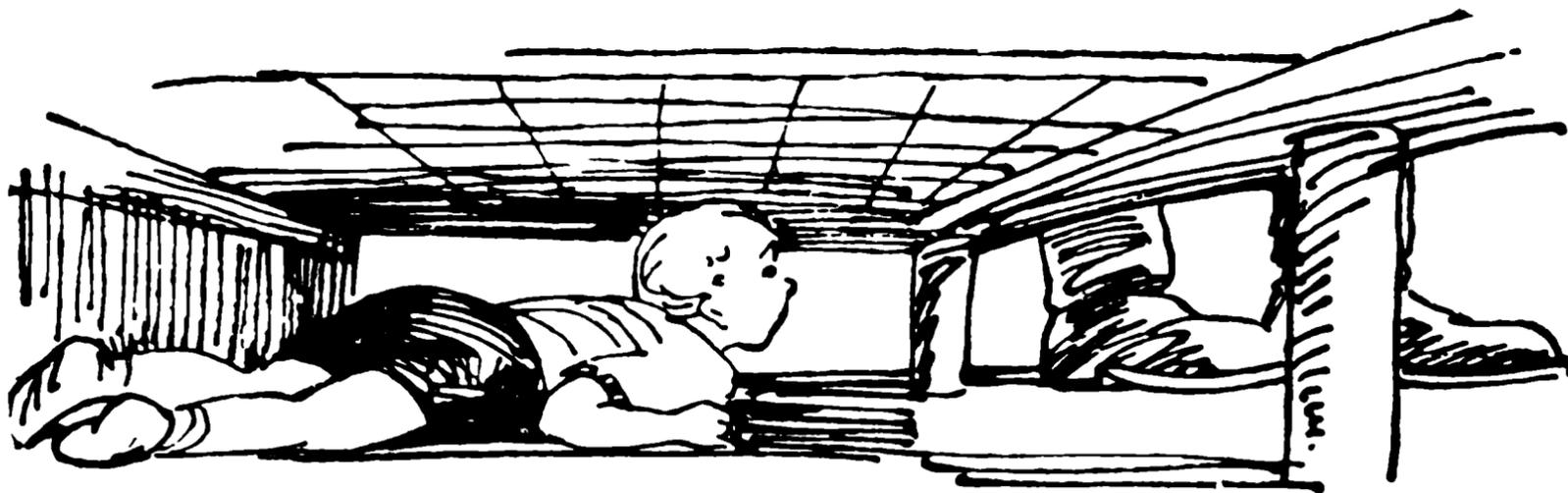
— Кстати, не у вас тут живет мальчик Саша?

— У нас, — ответила Ира.

— А вот он-то мне как раз нужен, — сказал милиционер и вошел в комнату.

Марѣна и Ира тоже вошли в комнату и увидели, что Сашка куда-то исчез. Марѣна даже заглянула под диван. Сашка увидел ее и молча погрозил ей из-под дивана кулаком, чтобы она не выдавала его.

— Ну, где же ваш Саша? — спросил милиционер.

Дéвочки óчень испугáлись за Сáшу и не знáли, что отвечáть. Наконéц Марíна сказáла:

— А егó, понимáете, дóма нет. Он, понимáете, гулять ушёл.

— А что вы про негó знáете? — спросíла милиционерá Ира.

— Что же я знáю! — отвéтил милиционер.— Знáю, что зовúт егó Сáша. Ещё знáю, что у негó был нóвенький пистолёт, а тепёрь у негó éтого пистолéта нéту.

«Всё знáет!» — подúмал Сáшка.

От стрáха у негó дáже зачесáлось в носú, и он как чихнёт под дивáном: «Апчхí!»

— Кто éто там? — удивíлся милиционер.

— А éто у нас... Это у нас собáка,— совралá Марíнка.

— Чегó же она под дивáн забралáсь?

— А она у нас всегда под дивáном спит,— продолжала сочиня́ть Марíна.

— Как же её зовúт?

— Э... Бóбик,— вьдумала Маринка и покраснела, как свёкла.

— Бóбик! Бóбик! Фью! — засвистёл милиционер.— Почему же она не хочет вылезать? Фью! Фью! Ишь ты, не хочет! А собака хорошая? Какой породы?

— Э...— протянула Маринка...— Э-э...— Она никак не могла вспомнить, какие бывают породы собак.— Порода эта вот...— сказала она.— Как её?.. Хорошая порода... Фокстерьер! Вот!

— О, это замечательная собака! — обрадовался милиционер.— Я знаю. У неё такая волосатая морда.

Он нагнулся и посмотрел под диван. Саша лежал ни жив ни мёртв и во все глаза глядел на милиционера. Милиционер даже свистнул от изумления:

— Так вот тут какой фокстерьер! Ты чего под диван забрался, а? Ну-ка, вылезай, теперь всё равно попался!

— Не вылезу! — заревёл Саша.

— Почему?

— Вы меня в милицию заберёте.

— За что?

— За старушку.

— За какую старушку?

— За которую я выстрелил, а она испугалась.

— Не пойму, про какую он тут старушку толкует? — сказал милиционер.

— Он на улице из пистолёта стрелял, а мимо шла бабушка и испугалась,— объяснила Ира.

— Ах, вот что! Значит, это его пистолёт? — спросил милиционер и достал из кармана новенький блестящий пистолёт.

— Его, его! — обрадовалась Ира. — Это мы с Мариной ему подарили, а он потерял. Где вы его нашли?

— Да вот тут, во дворе, у вашей двери... Ну, признайся, зачем напугал бабушку? — спросил милиционер и нагнулся к Саше.

— Я нечаянно... — ответил Саша из-под дивана.

— Неправда! По глазам вижу, что неправда. Вот скажи правду — отдам пистолёт обратно.

— А что мне будет, если я скажу правду?

— Ничего не будет. Отдам пистолёт — и всё.

— А в милицию не заберёте?

— Нет.

— Я не хотел напугать бабушку. Я только хотел попробовать, испугается она или нет.

— А вот это, братец, нехорошо! За это тебя следовало бы забрать в милицию, да ничего не поделаешь: раз я обещаю не забирать — значит, должен исполнить. Только смотри, если ещё раз набедакуришь — обязательно заберу. Ну, вылезай из-под дивана и получай пистолёт.

— Нет, я лучше потом выйду, когда вы уйдёте.

— Вот чудной какой! — усмехнулся милиционер. — Ну, я уйду.

Он положил пистолет на диван и ушёл. Маринка побежала показать милиционеру шестую квартиру. Саша вылез из-под дивана, увидел свой пистолет и закричал:

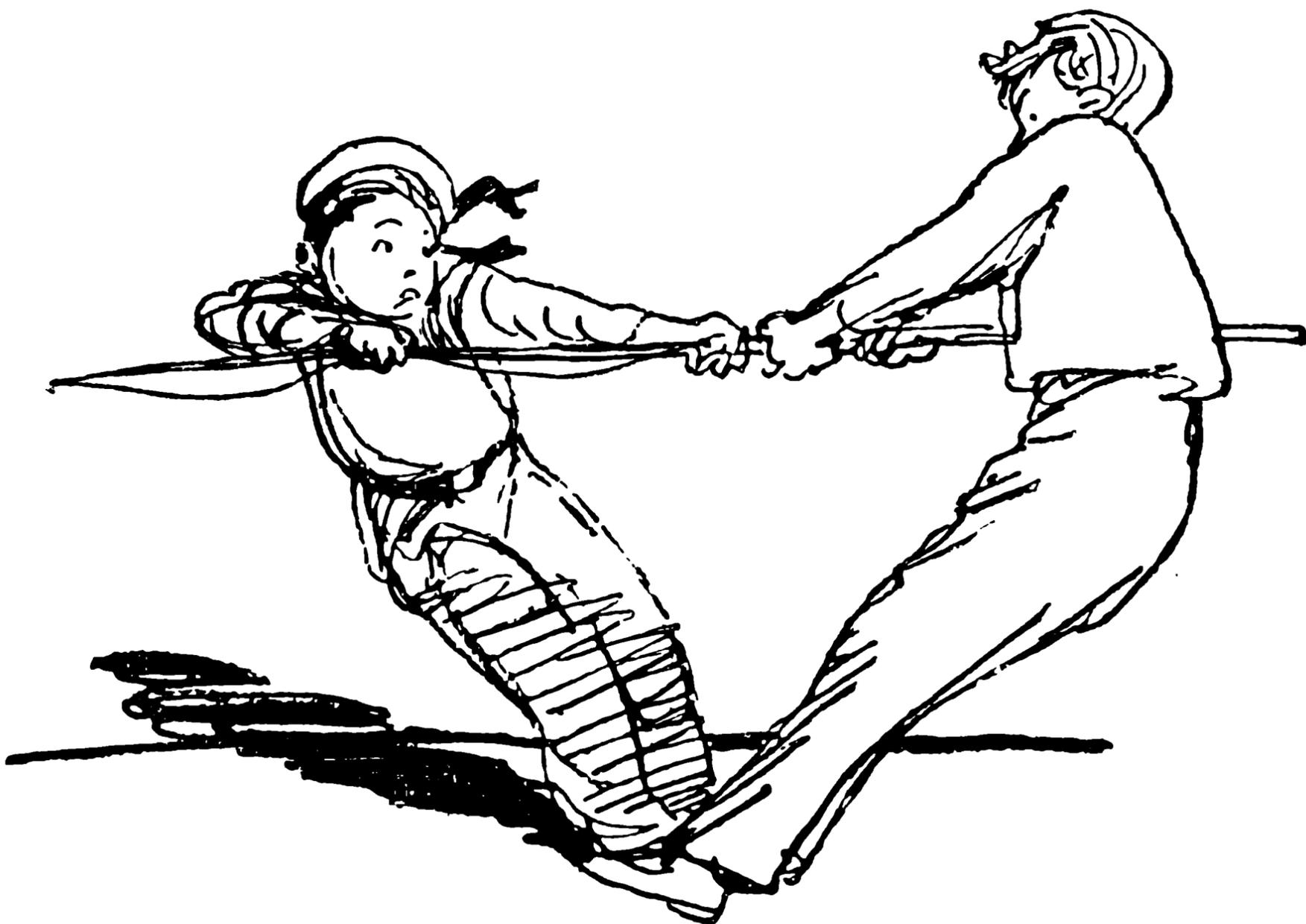
— Вот он, мой голубчик! Снова вернулся ко мне! — Он схватил пистолет и сказал: — Не понимаю только, как это милиционер моё имя узнал!

— Ты ведь сам написал своё имя на пистолете, — сказала Ира.

Тут вернулась Марина и набросилась на Сашу:

— Ах ты, чучело! Из-за тебя мне пришлось милиционеру врать! От стыда я чуть не сгорела! Вот натвори ещё чего-нибудь, ни за что не стану тебя выгораживать!

— А я и не буду ничего больше творить, — сказал Саша. — Сам теперь знаю, что не нужно людей пугать.

ШУРИК У ДЕДУШКИ

Лéтом мы с Шúриком жíли у дéдушки. Шúрик — это мой млáдший брат. Он ещё в шкóле не úчится, а я ужé в пёрвый класс поступíл. Тóлько он всё равнó меня не слúшается... Ну и не нáдо!.. Когда мы приéхали, так сейчáс же обыскáли весь двор, облáзили все сарáи и чердакí. Я нашёл стеклянную бáнку из-под варéнья и крúглую желéзную корóбочку от гуталина. А Шúрик нашёл стáрую дверnúю рúчку и большúю калóшу на прáвую нóгу. Потóм мы чуть не

подралісь с ним на чердакѣ из-за ўдочки. Я пѣрвый увідел ўдочку и сказáл:

— Чур, моя!

Шурик тóже увідел и дава́й крича́ть:

— Чур, моя! Чур, моя!

Я схваті́л ўдочку, а он тóже вцепі́лся в неѣ и дава́й отнима́ть. Я рассерди́лся, как дѣрну... Он отлетѣл в сто́рону и чуть не упáл. Потóм говори́т:

— Подума́ешь, óчень нужна́ мне твоя́ ўдочка! У меня́ есть кало́ша.

— Вот и целу́йся со своѣ́й кало́шей,— говори́ю я,— а ўдочку нѣчего рвать из рук.

Я отыска́л в сара́е лопáту и пошѣл копа́ть червѣ́й, что́бы лови́ть ры́бу, а Шурик пошѣл к ба́бушке и стал проси́ть у неѣ спи́чки.

— За́чем тебѣ спи́чки? — спра́шивает ба́бушка.

— Я,— говори́т,— разведу́ во дворе́ костѣр, свѣрху положу́ кало́шу, кало́ша распла́вится, и из неѣ полу́чится рези́на.

— Ещё́ чего́ вѣдумаешь! — замаха́ла рука́ми ба́бушка.— Ты тут и дом весь спали́шь со своѣ́м баловство́м. Нет, голу́бчик, и не проси́. Что э́то ещё́ за игру́шки с огнѣм? И слу́шать ничего́ не жела́ю.

Тогда́ Шурик взял дверну́ю рúчку, которóую нашѣл в сара́е, привязáл к неѣ верѣ́вку, а к друго́му концу́ верѣ́вки привязáл кало́шу. Хóдит по́ двору, верѣ́вку за рúчку дѣржит, а кало́ша за ним по землѣ ѣздит. Куда́ он — туда́ и она́. Подошѣл ко мне, увідел, что я червѣ́й копа́ю, и говори́т:

— Можешь не стараться. Всё равно ничего не поймаешь.

— Это почему? — спрашиваю.

— Я заколдую рыбу.

— Пожалуйста, — говорю, — колдуй на здоровье. Я накопал червей, сложил их в коробочку и пошёл к пруду.

Пруд был позади двора — там, где колхозный огород начинается. Насадил я на крючок червяка, уселся на берегу и забросил удочку. Сижу и за поплавком слежу. А Шурик подкрался сзади и давай кричать во всё горло:

Колдуй, баба, колдуй, дед,
Колдуй, sereneкий медведь!

Я решил молчать и ничего не говорить, потому что с ним всегда так: если скажешь что-нибудь, ещё хуже будет.

Наконец он наколдовался, бросил в пруд калошу и стал её по воде на верёвке таскать. Потом придумал такую вещь: бросит калошу на середину пруда и давай в неё камнями швырять, пока не утопит, а потом начинает её со дна на верёвке вытаскивать.

Я сначала молча терпел, а потом как не вытерплю: — Пошёл вон отсюда! — кричу. — Ты распугал мне всю рыбу!

А он говорит:

— Всё равно ничего не поймаешь: заколдована рыба.

И опять плюх калошу на середину пруда! Я вско-

чёл, схватил палку — и к нему. Он давай удирать, а калоша за ним на верёвке так и скачет. Еле убежал от меня.

Вернулся я к пруду и стал снова рыбу ловить. Ловил, ловил... Уже солнышко высоко поднялось, а я всё сижу да на поплавок гляжу. Не клюёт рыба, хоть тресни! На Шурика злюсь, прямо избить готов. Не то чтоб я в его колдовство поверил, а знаю, что, если придёт без рыбы, смеяться будет. Уж чего я ни делал:

и подальше от берега забрасывал удочку, и поближе, и поглубже крючок спускал — ничего не выходит.

Захотелось мне есть, пошёл я домой. Вдруг слышу — кто-то в ворота колотит: бум-бум! Бах-бах!

Подхожу к воротам, смотрю, а это Шурик. Достал где-то молоток, гвозди и прибивает к калитке дверную ручку.

— Это ты для чего прибиваешь? — спрашиваю.

Он увидел меня, обрадовался:

— Хи-хи-хи! Рыболов пришёл!.. Где же твоя рыба?

Я говорю:

— Ты зачѣм прибиваѣешь рѹчку? Здѣсь же есть одна рѹчка.

— Ничего,— говорит,— пусть две бѹдет. Вдруг одна оторвѣтся.

Прибил рѹчку, и ещѣ у него один гвоздь остался. Он долго дѹмал, что с ѣтим гвоздѣм дѣлать, хотѣл просто в калитку загна́ть, потом придѹмал: приложил кало́шу подо́швой к калитке и стал еѣ гвоздѣм приколачива́ть.

— А ѣто для чего́? — спрашиваю.

— Так просто.

— Просто глѹпо,— говорю я.

Вдруг смѹтрим, дѣдушка с рабѹты идѣт. Шѹрик испугался, давай отрыва́ть кало́шу, а она не отрываѣется. Тогда он встал, загородил кало́шу спиной и стои́т.

Дѣдушка подошѣл и говорит:

— Вот молодцы́, ребята́! То́лько приѣхали — и за рабѹту... Кто ѣто придѹмал к калитке вторѹю рѹчку приби́ть?

— Это,— говорю,— Шѹрик.

Дѣдушка то́лько крякнул.

— Ну что ж,— говорит,— тепѣрь у нас две рѹчки бѹдет — свѣрху и снѣзу. Вдруг какой-нибудь корѹтенький человек приде́т. До вѣрхней рѹчки ему́ не дотяну́ться, так он до ни́жней доста́нет.

Тут дѣдушка замѣтил кало́шу:

— А ѣто ещѣ что?

Я так и фыркнул. Ну, думаю, сейчас Шúрику от дедушки будет. Шúрик покраснел, сам не знает, что отвечать.

А дедушка говорит:

— Это что ж? Это, наверно, всё равно что ящик для писем. Придет почтальон, увидит, что дома никого нет, сунет письмо в калошу и пойдет дальше. Очень остроумно.

— Это я сам придумал! — похвастался Шúрик.

— Да неужто?

— Честное слово!

— Ну молодец,— развёл руками дедушка.

За обедом дедушка всё разводил руками и рассказывал бабушке про эту калошу:

— Понимаешь, какой остроумный ребёнок! До чего сам додумался, ты не поверишь даже! Понимаешь, калошу к калитке, а? Я давно говорю, что надо ящик для писем прибить, а того и не сообразить мне, что проще калошу.

— Ладно уж,— усмехнулась бабушка.— Я куплю ящик, а пока пусть повисит калоша.

После обеда Шурик побежал в сад, а дедушка говорит:

— Ну, Шурик у нас уже отличился, а ты, Николка, тоже небось чего-нибудь наработал. Ты уж признавайся, порадуешь дедушку.

— Я,— говорю,— ловил рыбу, да рыба не ловится.

— А ты где ловил?

— В пруду.

— Э...— протянул дедушка,— какая же тут рыба? Этот пруд недавно вырыли. Тут даже лягушки ещё не развелись. А ты, голубчик, не ленись, пойдёшь на речку. Там у мостика течение быстрое. На этой быстринке и лови.

Дедушка ушёл на работу, а я взял удочку и говорю Шурику:

— Пойдём на реку, будем вместе рыбу ловить.

— Ага,— говорит,— испугался! Теперь подлизываешься!

— Зачём мне подлизываться?

— А чтоб я не колдовал больше.

— Колдуй,— говорю,— пожалуйста.

Взял я корóбку с червями, банку из-под варенья, чтоб было куда рыбу сажать, и пошёл.

А Шúрик сзади поплёлся.

Пришли на реку. Я пристроился на берегу, недалеко от моста, где течение побыстрей, и забросил удочку.

А Шúрик толчётся возле меня и всё бормочет:

Колдуй, баба, колдуй, дед,
Колдуй, серенький медведь!

Помолчит чуточку, помолчит, потом снова:

Колдуй, баба, колдуй, дед...

Вдруг рыба как клюнет, я как дёрну удочку! Рыба сверкнула в воздухе, сорвалась с крючка, упала на берег и ну плясать возле самой воды.

Шúрик как крикнет:

— Держи её!

Бросился к рыбе и давай ловить. Рыба по берегу скачет, а он прямо животом на неё бросается, никак поймать не может: чуть она не удрала обратно в реку.

Наконец он её схватил. Я набрал в банку воды, Шúрик пустил в неё рыбу и стал разглядывать.

— Это,— говорит,— окунь. Честное слово, окунь! Видишь, какие у него полоски. Чур, мой будет!

— Ладно, пусть будет твой. Мы ещё много наловим.

В этот день мы долго удйли. Поймали шесть окунькóв, четырёх пескарей и да́же ёршика одногó выудили.

На обратном путй Шурик нес банку с рыбой и да́же подержать не давал мне. Он был óчень рад и со-всём не огорчйлся, когда увидел, что его калоша ис-чезла, а вмéсто неё на калитке висит нóвенький голу-бóй ящик для писем.

— Ну и пусть,— сказа́л он.— По-мóему, ящик ещё да́же лу́чше калоши.

Он махну́л руко́й и поскорёй побежа́л показывать рыбу ба́бушке. Ба́бушка похвали́ла нас. А потóм я ему́ сказа́л:

— Вот ви́дишь, а ты колдова́л! Ничегó твоё кол-довствó не значит. Я в колдовствó не ве́рю.

— У! — сказа́л Шурик.— А я, ду́маешь, ве́рю? Это одни́ то́лько дикари́ ве́рят да ста́ренькие стару́шки.

Этим он óчень насмешй́л ба́бушку, потому́ что ба́бушка хоть была́ ста́ренькая, но то́же не ве́рила в кол-довствó.

СОДЕРЖАНИЕ

Живая шляпа	3
На горке	8
Ступеньки	13
Огурцы	17
Автомобиль	23
Саша	28
Шурик у дедушки	39

Для начальной школы

Носов Николай Николаевич

СТУПЕНЬКИ

Р а с с к а з ы

Ответственный редактор *И. М. Пугачёва*. Художественный редактор *И. Г. Найдёнова*.
Технический редактор *Л. П. Костикова*. Корректор *В. К. Мирингоф*. Сдано в набор
15/III 1972 г. Подписано к печати 13/VI 1972 г. Формат 60×84¹/₁₆. Печ. л. 3. Усл. печ. л.
2,8. (Уч.-изд. л. 1,73). Тираж 150 000 экз. ТП 1972 № 594. Цена 9 коп. на бум. № 1.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета
по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.
Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполи-
графпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Сущёвский
вал, 49. Заказ № 3923.

Цена 9 коп.